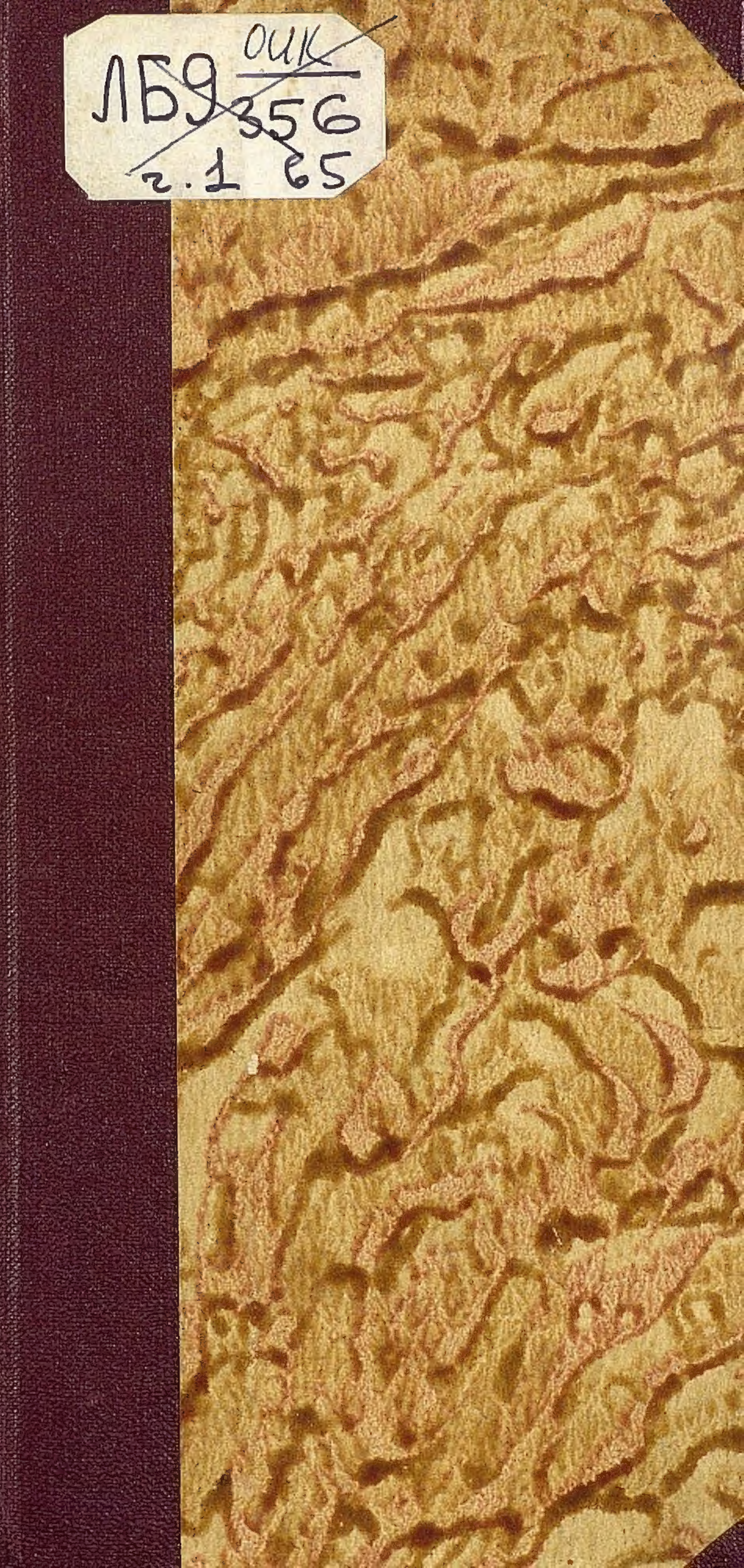

ЛБ9 ОИК
356
г.1 65

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
„Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Русская конституція.

I. Свободы.

Очеркъ
Проф. М. М. Ковалевскаго.

Безплатное приложеніе
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
второе изданіе.

Выпускъ 5-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. М. Проппера, Галерная ул., с. д., 40
1906.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
„Биржевыхъ Вѣдомостей".

Русская конституція.

I. Свободы.

Очеркъ
Проф. М. М. Ковалевскаго.

Безплатное приложеніе
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ",
второе изданіе.

Выпускъ 5-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Типографія . М. Проппера Галерная ул., с. д. 40.

I.

Манифестъ 17-го октября внесъ настолько существенныя измѣненія въ будущій строй нашей государственной жизни, что безъ соображенія съ нимъ нельзя представить себѣ тѣхъ порядковъ, которые созданы у насъ закономъ 6-го августа. Вотъ почему, говоря о нашей Государственной Думѣ, мнѣ придется разсматривать ея ближайшее устройство и предоставленныя ей функціи въ томъ освѣщеніи, какое даетъ имъ новѣйшій актъ верховной власти.

Манифестъ 17-го октября открывается обѣщаніемъ даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Это тѣ необходимыя вольности, безъ которыхъ, какъ показываетъ примѣръ западно-европейскихъ странъ, невозможно существованіе правового или конституціоннаго порядка, какъ невозможно и правильное производство выборовъ, т. е. сознательное и искреннее выраженіе различными классами общества ихъ соотвѣтственныхъ нуждъ и желаній. Наша великая хартія вольностей, какъ и

всѣ великія хартіи того же порядка, только тогда сдѣлается дѣйствительностью, когда обѣщанныя ею начала проведены будутъ въ жизнь цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ. Отъ выраженія извѣстныхъ желаній до ихъ выполненія проходятъ нерѣдко цѣлыя столѣтія. Доказательствомъ этого можетъ служить дарованная англичанамъ свобода личности, свобода отъ произвольныхъ арестовъ. О ней заходитъ рѣчь еще въ 1215 году. Знаменитый § 39 Великой Хартіи, исторгнутой англичанами у короля Іоанна Безземельнаго, формально заявляетъ, что впредь ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму, объявленъ стоящимъ внѣ закона или лишенъ имущества... иначе, какъ по приговору его согражданъ и по законамъ страны. Одинъ уже тотъ фактъ, что можно насчитать 30 съ лишнимъ подтвержденій Великой Хартіи Вольностей, вызываетъ въ умѣ представленіе о томъ, что дарованныя ею свободы соблюдались не строго. Что касается, въ частности, свободы отъ произвольнаго задержанія, то въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ правительство продолжало смотрѣть на нее, какъ на милость, нерѣдко покупаемую дорогой цѣной. Верховные суды королевства соглашались на выдачу арестованному или его друзьямъ освободительнаго письма не иначе, какъ подъ условіемъ платежа весьма значительныхъ суммъ на нужды правительства или короля. Судебный приставъ, обязанности котораго исполнялъ губернаторъ провинціи, такъ называемый шерифъ, замѣнялъ личное задержаніе поручительствомъ или залогомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда верховная власть открыто заявляла о своей

готовности отпустить заключеннаго на свободу. Съ теченіемъ времени и послѣ ряда заявленій, сдѣланныхъ на этотъ счетъ въ Палатѣ Общинъ, задержаннымъ удалось обратить милость въ право. Средствомъ къ этому явилось полученіе отъ судей освободительнаго письма, начинавшагося призывомъ къ шерифу доставить тѣло подсудимаго на ближайшее засѣданіе уголовной сессіи. Документъ начинался словами: Habeas corpus ad suscipiendum.

Въ отличіе отъ другихъ однохарактерныхъ актовъ, только-что упомянутое освободительное письмо выдаваемо было заинтересованнымъ въ его полученіи лицамъ на общемъ основаніи закона. Но такой порядокъ имѣлъ мѣсто лишь въ случаѣ, когда задержаніе воспослѣдовало по требованію частныхъ лицъ, а не по приказу короля; достаточно было сослаться на высочайшее повелѣніе, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое дальнѣйшее настаиваніе на замѣнѣ личнаго задержанія залогомъ или поручительствомъ. Не ранѣе 1641 года, т.-е. въ полный разгаръ столкновеній парламента съ королемъ Карломъ I, англичанамъ удалось провести въ жизнь то начало, что свобода отъ предварительнаго заключенія распространяется и на случаи задержанія кого-либо именемъ короля. Въ эпоху реставраціи Стюартовъ новыя попытки нарушить это правило вызвали со стороны парламента новый походъ въ его защиту. Статутъ 1679 года, знаменитый Habeas corpus act, обезпечилъ навсегда лицамъ, подвергшимся предварительному аресту, возможность настаивать на отпущеніи ихъ на свободу подъ условіемъ залога или поручительства. Этимъ статутомъ, между прочимъ, установлено, какъ общее правило,

что во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ дѣлъ о государственной измѣнѣ, заключенный можетъ требовать освобожденія изъ тюрьмы, прибѣгая съ этой цѣлью къ судьямъ съ ходатайствомъ о выдачѣ ему освободительнаго письма къ шерифу.

На разстояніи 21-го дня со времени ареста задержанный долженъ быть отпущенъ на поруки или подъ залогъ и не можетъ снова подвергнуться заточенію въ силу того же обвиненія. Его дѣло должно разбираться на ближайшей сессіи уголовнаго суда. Запрещено также переводить заключенныхъ въ тюрьмы, расположенныя въ мѣстностяхъ, изъятыхъ отъ подсудности англійскихъ верховныхъ судовъ. Въ этомъ положеніи находились въ числѣ другихъ тюрьмы Шотландіи, Ирландіи и Нормандскихъ острововъ Гернзе и Джерзе. И послѣ изданія акта 1679 года свобода отъ арестовъ продолжала терпѣть отъ возможности для судей требовать отъ задержаннаго чрезмѣрнаго, непосильнаго для него залога. И это препятствіе было устранено, но не ранѣе 1689 года. Извѣстный билль о правахъ предписалъ не взимать чрезмѣрныхъ залоговъ и предоставилъ суду въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять ихъ размѣръ, сообразно не одной тяжести обвиненія, но и общественному положенію подсудимаго. Другимъ недостаткомъ закона 1679 г. надо считать тотъ фактъ, что онъ предоставлялъ ходатайствовать объ освобожденіи изъ заключенія только въ случаѣ совершенія уголовнаго преступленія, отнюдь не полицейскаго проступка.

Не ранѣе какъ закономъ 1816 г. преимущества, созданныя актомъ 1679 г., распространены были и на лицъ, задержанныхъ по полицейскимъ

проступкамъ. До этого года судья, къ которому обращались съ ходатайствомъ о выдачѣ освободительнаго письма, не имѣлъ права задаваться вопросомъ о томъ, насколько самое обвиненіе оправдывается обстоятельствами даннаго случая. Онъ призванъ былъ исключительно къ замѣнѣ ареста поручительствомъ или залогомъ. Съ этого времени ему предписано было производить сокращеннымъ порядкомъ разслѣдованіе о томъ, обосновано-ли обвиненіе, и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, отпускать задержаннаго на свободу, не требуя отъ него никакихъ гарантій его явки въ судъ. Можно считать, что только съ этого времени личная свобода англичанъ отъ произвольныхъ арестовъ была вполнѣ обезпечена, и что, какъ самъ подсудимый, такъ и его друзья получили возможность добиваться немедленнаго его освобожденія изъ тюрьмы съ залогомъ или поручительствомъ, или безъ обоихъ.

На исторіи постепеннаго роста личной свободы въ Англіи немудрено убѣдиться въ томъ, что голаго признанія властью извѣстнаго оглашенія принципа еще недостаточно для проведенія его въ жизнь. Но такая мысль наглядно можетъ быть иллюстрирована и судьбой личной свободы во Франціи. Она включена въ число тѣхъ благъ, которыми надѣляетъ французовъ Декларація правъ 1789 года. Но какъ мало была обезпечена эта вольность, видно изъ того, что со временъ консульской конституціи и до установленія во Франціи третьей республики нельзя было подвергнуть преслѣдованію полицейскаго чиновника за незаконное задержаніе, не получивши на то предварительнаго разрѣшенія со стороны высшей

административной коллегіи—государственнаго совѣта. Правительство національной обороны впервые отмѣнило знаменитый § 75 консульской конституціи, перешедшій затѣмъ во всѣ тѣ основные законы, какими на десятки лѣтъ, не болѣе, опредѣлялся государственный порядокъ Франціи. Только съ третьей республики личная свобода гражданъ можетъ считаться вполнѣ установленной въ этой странѣ.

Англійская система требуетъ, чтобы въ приказѣ о задержаніи обозначено было по имени или по его внѣшнимъ признакамъ то лицо, которое подлежитъ аресту. Нельзя задержать въ Англіи человѣка на основаніи общаго приказа о лишеніи свободы цѣлой категоріи лицъ, исповѣдующихъ тѣ или другія убѣжденія, принадлежащихъ къ тѣмъ или другимъ кружкамъ или партіямъ.

Всякій арестъ, на основаніи такого общаго приказа, считается незаконнымъ. Эти существенныя гарантіи личной свободы, выработанныя англійскимъ политическимъ развитіемъ, были въ большей или меньшей степени усвоены конституціоннымъ правомъ свободныхъ народовъ одинаково въ Европѣ, Америкѣ, Австраліи и Африкѣ. Но и для этого потребовались не десятки, а сотни лѣтъ упорной борьбы не только съ административнымъ произволомъ, но и съ понятными движеніями законодательныхъ палатъ.

II.

Свобода личности только одна изъ тѣхъ вольностей, какія обѣщаны русскимъ гражданамъ манифестомъ 17-го октября 1905 года. Рядомъ съ нею стоитъ въ манифестѣ и свобо-

да совѣсти. Еще въ XVII вѣкѣ англичане видѣли въ ней, по выраженію Кромвеля, существенное условіе всякаго правового порядка, благо, изъ-за котораго можно временно поступиться другими, но отъ котораго отнюдь нельзя отказаться. И въ то же время католики и атеисты продолжали преслѣдоваться судами и верховными совѣтами страны, не исключая изъ ихъ числа и парламента. Одинъ уже этотъ фактъ порождаетъ въ умѣ подозрѣніе въ томъ, чтобы свобода совѣсти могла считаться тѣмъ продуктомъ реформаціоннаго движенія, какимъ признаютъ ее нѣкоторые германскіе историки и публицисты, въ томъ числѣ гейдельбергскій профессоръ Іеллинекъ. Съ реформаціей нельзя связать происхожденіе доктрины, по которой совѣсть свободна отъ всякаго внѣшняго давленія, нельзя уже потому, что въ первые вѣка христіанская церковь проникнута была идеей терпимости. Весьма поучительно на этотъ счетъ чтеніе отцовъ церкви, предшествовавшихъ по времени блаженному Августину. И Тертулліанъ, и Лактанцій, и Сальвіанъ,--сходятся въ утвержденіи, что вѣра принадлежитъ къ числу предметовъ свободнаго выбора, что никого нельзя принуждать къ ней силой. „Въ вѣрѣ свобода избрала свое мѣстожительство, — пишетъ, напримѣръ, Лактанцій, — она всего болѣе носитъ характеръ чего-то добровольнаго. Можно притвориться вѣрующимъ, но стать имъ вопреки собственному желанію нельзя“.

„Надо отстаивать религію, жертвуя собственной жизнью, но нельзя убивать за нее другихъ“. Только со временъ Августина стали искать въ извѣстномъ текстѣ Евангелія отъ Луки, глава 14, стихъ 23, доказательство

тому, что принуждать страхомъ или болью къ исповѣдыванію вѣры полезно въ интересахъ вѣчнаго спасенія. Но и послѣ этого Аѳанасій Александрійскій и Григорій Богословъ продолжали учить, что истина возвѣщается не съ помощью военной силы, а совѣтомъ и убѣжденіемъ. Нужно-ли напоминать о томъ, что и Іоаннъ Златоустъ не разъ высказывался противъ всякаго преслѣдованія изъ-за вѣры. „Убѣждай съ кротостью“,—училъ онъ. Можно ненавидѣть ложное ученіе, но не человѣка, его исповѣдующаго. Любовь — высшая учительница; она одна можетъ содѣйствовать освобожденію людей отъ заблужденія.

Отождествленіе вѣротерпимости съ успѣхами протестантизма невѣрно еще потому, что призывъ къ свободѣ совѣсти вышелъ и въ средніе вѣка, въ самый разгаръ религіозныхъ преслѣдованій, не отъ учителей церкви католической и не отъ сектантовъ, а отъ мыслителей, возстававшихъ противъ притязаній папъ на свѣтскую власть. Тотъ самый Марсилій Падуанскій, который отстаивалъ независимость императора отъ папы, проводилъ въ своемъ „Защитникѣ Мира“ тотъ взглядъ, что Божескій законъ, иначе говоря—религія, не имѣетъ другого судьи, кромѣ Христа, и другой санкціи, кромѣ загробной. Священное писаніе побуждаетъ насъ къ поученію, а не къ принужденію силою. Тотъ, кто исповѣдуетъ вѣру не добровольно, ничего не дѣлаетъ для вѣчнаго спасенія. Апостолы не требовали наказанія, какъ средства добиться исполненія евангельскихъ завѣтовъ.

Наконецъ, свобода совѣсти потому уже не можетъ считаться порожденіемъ реформаціи, что сами протестантскія секты исповѣдыва-

ли ее лишь до тѣхъ поръ, пока были въ числѣ преслѣдуемыхъ; онѣ забывали о терпимости каждый разъ, когда имъ самимъ приходилось становиться государственною вѣрою. Въ моментъ своего разрыва съ Римомъ Лютеръ выставлялъ въ числѣ другихъ положеній своей доктрины, осужденныхъ папой Львомъ X и Сорбонной, то, что еретики не должны подлежать сожженію, но имъ же данъ впослѣдствіи германскимъ князьямъ совѣтъ наказывать всѣхъ, кто высказываетъ ученіе, несогласное съ христіанскимъ катехизисомъ.

На заявленіи, сдѣланномъ богословами Виттенберга противъ анабаптистовъ, которыхъ они предлагали казнить мечомъ, стоитъ подлинная подпись Лютера: „Это рѣшеніе мнѣ нравится“. О Кальвинѣ, казнившемъ за несогласіе въ догматахъ Сервета, очевидно, трудно говорить, какъ о сторонникѣ религіозной свободы, а то обстоятельство, что кроткій Меланхтонъ призналъ поведеніе Кальвина благочестивымъ и долженствующимъ служить памятнымъ примѣромъ для потомства, не позволяетъ отнести и его къ ревнителямъ терпимости. Свобода совѣсти нашла первыхъ сторонниковъ въ тѣхъ протестантскихъ сектахъ, родоначальники которыхъ вышли изъ среды мыслителей итальянскаго возрожденія. Антитринитаріи и социніане, одинаково преслѣдуемые и католиками, и протестантами за нежеланіе признать божественность Іисуса Христа и догматъ Троицы, принуждены были искать убѣжища въ Италіи, Трансильваніи, Польшѣ, Пруссіи, Голландіи, Англіи, Франціи и, наконецъ, отдаленной Америкѣ. Уже то обстоятельство, что въ движеніи руководящую роль играли юристъ Леліо

Социно и медикъ Георгій Бландратъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, получившими серьезную научную подготовку. Племянникъ перваго и наслѣдникъ его рукописи, Густавъ Социно, продолжаетъ проповѣдь своего дяди и вырабатываетъ стройное ученіе, нашедшее выраженіе себѣ въ катехизисѣ, изданномъ въ Рокау. Въ числѣ положеній, провозглашенныхъ этимъ катехизисомъ, мы находимъ и уваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ, обязанность религіозной терпимости. Отправляясь отъ того, что для вѣрующихъ обязательно одно Евангеліе, и то лишь въ тѣхъ его частяхъ, которыя доступны пониманію разума, социніане признаютъ, что во всемъ остальномъ судьею правильнаго толкованія Слова Божьяго является самъ вѣрующій. „Нельзя,—учатъ они,—требовать поэтому, чтобы всѣ понимали писаніе одинаково“. Отсюда необходимость терпимаго отношенія къ мнѣнію, несогласному съ нашимъ, необходимость того начала, которое мы обнимаемъ понятіемъ вѣроисповѣдной свободы. Ученіео свободѣ с овѣсти сблизило съ социніанами великаго амстердамскаго мыслителя Бенедикта Спинозу и породило во многихъ изъ его современниковъ несправедливое представленіе о томъ, что самъ онъ присоединился къ ихъ сектѣ. Къ числу самыхъ выдающихся представителей ихъ образа мыслей надо отнести въ XVI вѣкѣ Себастьена Кастильона. „Не считаетъ-ли Христа Молохомъ, т. е. кровожаднымъ божествомъ, тотъ, кто думаетъ, что ему угодно приношеніе въ жертву живыхъ людей — еретиковъ. Кто рѣшится служить Христу, зная, что одного невѣрнаго пониманія тѣхъ или другихъ сторонъ его ученія до-

статочно, чтобы быть сожженнымъ?“ Вотъ какія мысли вызывало въ Кастильонѣ сожженіе Сервета Кальвиномъ, отвѣчавшаго ему на эти слова рѣшительнымъ осужденіемъ новой секты. Катехизисъ въ Рокау, изложившій основы ихъ вѣроученія и обнародованный въ 1659 году, встрѣтилъ одинаковыя нападки и со стороны католическихъ богослововъ, вродѣ Боссюэта, и со стороны пастырей, преслѣдуемыхъ католиками—кальвинистовъ-гугенотовъ. Въ своей „Исторіи разномыслій протестантскихъ церквей“ Боссюэтъ признаетъ, что и послѣдователи реформатскаго ученія, заодно съ католиками, рекомендуютъ обращеніе къ свѣтскому мечу противъ еретиковъ. „Противоположное воззрѣніе, — пишетъ онъ, — должно считаться опаснѣйшимъ заблужденіемъ; его проповѣдуютъ социніане“. Въ свою очередь, духовный руководитель преслѣдуемыхъ во Франціи кальвинистовъ, Жюріё, не отступалъ передъ мыслью считать догматъ вѣротерпимости опаснѣйшимъ злоученіемъ. „Послѣдствіемъ его, —писалъ онъ, — можетъ быть гибель христіанства и установленіе равнодушнаго отношенія въ дѣлахъ вѣры“. Итакъ, еще во второй половинѣ XVII столѣтія католики и протестанты сходились въ осужденіи вѣроисповѣдной свободы. Удивительно-ли послѣ этого, если законодательство долгое время высказывалось по отношенію къ ней отрицательно. Какъ при Кромвелѣ, такъ и въ эпоху реставраціи Стюартовъ, католики и безбожники исключены были изъ числа терпимыхъ государствомъ ученій. Декларація о вѣротерпимости, изданная Іаковомъ II, возстановила противъ него многихъ изъ его подданныхъ, увидѣвшихъ въ ней доказательство тай-

ной приверженности къ католицизму и готовности содѣйствовать распространенію послѣдняго въ Англіи. Когда вторая англійская революція положила конецъ дальнѣйшимъ попыткамъ къ возстановленію самодержавія, она тѣмъ самымъ еще не искоренила одного изъ главныхъ его устоевъ—нетерпимости въ дѣлахъ вѣры. Истолкователь конституціонныхъ основъ новаго правительства, великій англійскій мыслитель Джонъ Локкъ, авторъ трактата „О вѣротерпимости“, еще считалъ возможнымъ высказываться противъ допущенія въ Англіи католиковъ на томъ основаніи, что въ лицѣ папы они признаютъ надъ собою власть иноземнаго государя. Тотъ же Локкъ отказывалъ безбожникамъ въ свободѣ совѣсти, говоря, что терпимость распространяется только на людей, исповѣдующихъ какую-нибудь вѣру, а не на тѣхъ, кто не имѣетъ религіи. До 1829 года католикамъ пришлось ждать въ Англіи уравненія въ правахъ гражданскихъ и политическихъ съ послѣдователями другихъ религіозныхъ ученій. Что же касается до свободныхъ мыслителей, то и въ настоящее время за высказываніе мыслей, несогласныхъ съ христіанствомъ, они могутъ быть привлекаемы къ суду, какъ за кощунство. По мѣткому замѣчанію одного изъ наиболѣе выдающихся истолкователей англійской конституціи, Дайси, ихъ свобода поставлена въ зависимость отъ приговора двѣнадцати согражданъ—присяжныхъ, которые могутъ признать кощунственными тѣ или другія ихъ мысли о порядкахъ природы и о причинахъ, управляющихъ судьбами человѣчества.

Страна, въ которой всего ранѣе провозглашена была вѣроисповѣдная свобода,

это—Сѣверная Америка. За религіозныя несогласія проповѣдникъ Роджеръ Вильямсъ съ горстью единомышленниковъ долженъ былъ оставить колонію Массачусетской бухты и положилъ основаніе новому штату — Родъ Эйландъ, въ которомъ впервые проведено было отдѣленіе церкви отъ государства. Этотъ принципъ вполнѣ проведенъ въ настоящее время въ великой Американской республикѣ а обезпечилъ въ ней возможность полнаго признанія за каждымъ свободы вѣры, культа и проповѣди. Сознаніе тѣсной связи, въ какой эти оба начала,—терпимость и свобода церкви въ свободномъ государствѣ,—стоятъ между собою, овладѣло сознаніемъ гражданъ другой великой республики—Французской, и вызвало въ ней то движеніе, свидѣтелями которато мы являемся за послѣдніе два года. Движеніе это повело къ упраздненію конкордата, т. е. соглашенія, которымъ Наполеонъ I призналъ за католичествомъ значеніе, если не господствующей вѣры, то вѣры, субсидируемой правительствомъ. Отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи—вопросъ ближайшаго будущаго, а съ этимъ отдѣленіемъ тѣсно связано и признаніе неограниченной свободы вѣрить или не вѣрить, вѣрить одному и не вѣрить другому, и всѣми средствами, за исключеніемъ физическаго насилія, содѣйствовать обращенію другихъ въ число послѣдователей собственныхъ взглядовъ.

Свобода совѣсти, обѣщанная намъ манифестомъ 17-го октября, очевидно, не можетъ считаться вполнѣ установленной тѣмъ равноправіемъ съ православными, какое получили за послѣднее время послѣдователи старообрядчества. Передовое русское сектантство

лишено еще возможности свободной проповѣди своего ученія, и пока въ Россіи въ основу нашего обновленія не будетъ положенъ принципъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ—о полномъ уравненіи гражданъ въ дѣлѣ вѣры не можетъ быть и помину.

III.

Къ числу поздно завоеванныхъ вольностей надо отнести и ту свободу печати, о которой, подъ именемъ свободы слова, говоритъ актъ 17-го октября. Въ самой Англіи, гдѣ еще Мильтонъ доказывалъ ея необходимость, система предупредительныхъ мѣръ противъ печати продолжала держаться до конца XVII вѣка. Цензура въ Англіи отмѣнена не ранѣе 1694 года. На континентѣ же Европы движеніе въ пользу ея упраздненія открылось вѣкъ спустя, въ эпоху французской революціи и включенія Декларацiей правъ свободы слова—устнаго и печатнаго,--въ число необходимыхъ вольностей человѣка и гражданина. Отмѣна предварительной цензуры нигдѣ не означала и не означаетъ безотвѣтственности лицъ, злоупотребляющихъ печатнымъ станкомъ для распространенія въ обществѣ ложныхъ слуховъ, клонящихся къ опозоренію частныхъ или общественныхъ дѣятелей и къ распространенію клеветы. Англійская точка зрѣнія, раздѣляемая въ настоящее время всѣми государствами, придерживающимися конституціонныхъ порядковъ, состоитъ въ замѣнѣ предупредительныхъ мѣръ по отношенію къ печати мѣрами карательными. Отмѣна цензуры совпала въ Англіи съ изданіемъ парламентомъ цѣлаго ряда законовъ, объявившихъ, что клевета и диффамація подлежатъ судеб-

ному преслѣдованію и наказанію. Отъ имени, какое въ Англіи носитъ пасквиль, и эти законы названы были законами о пасквилѣ. Его понимали долгое время такъ широко, что, по выраженію одного изъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей XVIII вѣка, лорда Чатама, трудно было точно установить условія, при которыхъ заявленіе, сдѣланное въ печати и наносящее вредъ чужимъ интересамъ, могло считаться пасквилемъ. Дѣла, возникавшія по жалобамъ частныхъ лицъ на диффамацію и клевету, подлежали, правда, разбирательству присяжныхъ. Но въ теченіе всего XVIII вѣка эти послѣдніе не могли рѣшать вопроса о виновности подсудимаго и въ своемъ приговорѣ ограничивались однимъ заявленіемъ о томъ, послѣдовалъ-ли фактъ опубликованія тѣхъ или другихъ выраженій, признаваемыхъ пасквильными, или нѣтъ. Одновременно лицо, преслѣдуемое за клевету и диффамацію, не могло доказывать справедливости брошенныхъ имъ обвиненій и достовѣрности тѣхъ фактовъ, какіе были опубликованы имъ. Не ранѣе 1792 г. парламентъ, по настоянію Фокса, счелъ возможнымъ признать за присяжными право высказываться въ процессахъ о печати и по вопросу о виновности подсудимаго, зависящей отъ преднамѣреннаго оглашенія имъ тѣхъ или другихъ фактовъ. Пришлось затѣмъ ждать еще полстолѣтія, прежде чѣмъ закономъ 43-го года, изданнымъ по предложенію лорда Кембеля, обвиняемому въ клеветѣ предоставлено было право доказывать, что обнародованные имъ акты въ дѣйствительности имѣли мѣсто. Въ настоящее время, разъ обвиняемому удастся убѣдить въ этомъ присяжныхъ, онъ имѣетъ полное основаніе

ждать оправдательнаго приговора.

И послѣ этого періодическая печать продолжала еще терпѣть въ Англіи рядъ стѣсненій. Особый штемпельный сборъ установленъ былъ съ газетъ въ 1712 году при королевѣ Аннѣ. Пониженный въ 1736 году до одного пенса съ нумера, онъ былъ окончательно отмѣнененъ всего-на-всего 50 лѣтъ назадъ—въ 1855 году. Залогъ съ издателей газетъ немало стѣснялъ распространеніе въ Англіи взглядовъ, раздѣляемыхъ классами неимущими или малообезпеченными. Въ 1793 году этотъ залогъ достигалъ еще высокой цифры —400 фунтовъ (4,000 руб.). Онъ долженъ былъ служить обезпеченіемъ тому, что штрафы въ пользу казны и присуждаемые сторонамъ убытки будутъ взысканы на дѣлѣ. И помимо залога, издатели связаны были обязательствомъ, въ интересахъ правильнаго поступленія съ нихъ штемпельнаго сбора, подчиняться нѣкоторымъ полицейскимъ предписаніямъ. Они обязаны были сообщать правительственнымъ органамъ въ положенные закономъ сроки названіе газеты, которую они намѣревались печатать, имя той типографіи, въ которой она будетъ выходить, и мѣстожительство, какъ главы этой типографіи, такъ и редактора и издателя газеты. Въ концѣ каждаго нумера обязательно должно было стоять имя того и другого лица. Не мало стѣсняло также періодическую печать существованіе особаго налога на объявленія и такого же сбора съ бумаги. Всѣ эти препятствія постепенно были устранены. Налогъ на объявленія отмѣненъ въ 1853 году. Налогъ на бумагу—въ 1851 году. Залоги съ издателей перестали требовать съ 1869 г. Та же свобо-

да печати, въ смыслѣ полной отмѣны предварительной цензуры, упрочилась окончательно во Франціи лишь съ выхода въ свѣтъ закона 29-го іюля 1881 года. До этого времени держалась въ ней хорошо извѣстная намъ и нами скопированная система трехъ предостереженій, за которыми слѣдовало закрытіе самой газеты. Нельзя сказать, чтобы и законъ 1881 года освободилъ періодическую печать отъ всякаго контроля властей. Во-первыхъ, любая газета должна имѣть во Франціи своего завѣдующаго, на котораго и падаетъ ближайшая отвѣтственность за преступленія и проступки, совершенные съ помощью печатнаго станка. Такимъ завѣдующимъ можетъ быть только совершеннолѣтній французъ, пользующійся всѣми правами гражданства, отнюдь не женщина. Во-вторыхъ, право на изданіе газеты дается не иначе, какъ послѣ предварительнаго представленія прокурору письменнаго заявленія, сдѣланнаго на гербовой бумагѣ, въ которомъ обозначалось бы названіе газеты, порядокъ ея выпуска, имя и мѣстожительство отвѣтственнаго редактора, а равно и имя главнаго завѣдующаго типографіей. Въ-третьихъ, два экземпляра каждаго нумера представляются въ моментъ ихъ выпуска органу судебной власти—прокурору, а гдѣ нѣтъ такихъ органовъ—въ городскую ратушу или мэрію. Сверхъ того, два экземпляра поступаютъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ-четвертыхъ, нумеръ газеты долженъ всегда носить на себѣ подпись завѣдующаго ею или отвѣтственнаго редактора.

Если отъ этихъ примѣровъ, представляемыхъ намъ законодательствомъ о печати въ Англіи и Франціи, мы перейдемъ къ обсужде-

нію того положенія, какое создано у насъ газетамъ послѣдними циркулярами, то намъ нетрудно будетъ прійти къ тому заключенію, что мы далеки еще не только отъ англійскаго, но и отъ французскаго пониманія условій свободной печати. Одно время газеты стали выходить самовольно безъ цензуры, но послѣдняя только недавно подверглась отмѣнѣ закономъ. До его выхода, циркуляромъ, отпечатаннымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 21-го октября текущаго года, всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учрежденій и лицъ, оставлены были въ полной силѣ. Цензорамъ рекомендовалось только проникнуться началами манифеста 17-го октября, обнаруживать личный тактъ и отказываться отъ исполненія всякихъ требованій, не основанныхъ на законѣ. Отмѣнялись поэтому всѣ прежнія циркулярныя распоряженія, изданныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на основаніи ст. 140 уст. о цензурѣ. Правительство въ то же время даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что свобода печати равносильна упраздненію по отношенію къ ней всякихъ предупредительныхъ мѣръ и предполагаетъ переходъ къ системѣ судебнаго преслѣдованія за преступленія и проступки, совершаемые путемъ печати. „Ни въ одномъ государствѣ—гласилъ циркуляръ 21-го октября—не существуетъ такой свободы печати, которая не была бы ограничена опредѣленными карательными законами, почему и у насъ эти законы всегда будутъ ограничивать свободу печати".

Указъ Правительствующему Сенату отъ 24-го ноября 1905 года понялъ весьма широко это право правительства карать преступ-

ныя въ его глазахъ дѣйствія, совершенныя съ помощью печатнаго станка. Прочитавъ этотъ указъ, я не вполнѣ вынесъ то впечатлѣніе, чтобы къ числу инкриминируемыхъ актовъ были отнесены исключительно тѣ, въ которыхъ сказывается злая воля ихъ совершителя; законъ караетъ, вопреки всѣмъ требованіямъ справедливости, невольныя ошибки, недосмотры, упущенія. Такъ, напримѣръ, заключеніе въ тюрьму на время отъ 2 до 8 мѣсяцевъ грозитъ лицу, виновному въ распространеніи посредствомъ повременнаго изданія завѣдомо ложнаго, возбуждающаго общественную тревогу слуха о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи. Что значитъ завѣдомо ложный слухъ? Это понятіе весьма растяжимое, и могу ли я при тайнѣ, окружающей дѣйствія высшихъ властей, передавать о нихъ другіе слухи, кромѣ сомнительныхъ и спорныхъ. Сколько разъ наши газеты объявляли о ближайшемъ созывѣ Думы, а указъ о ней и доселѣ не вышелъ. Что считать завѣдомо ложнымъ, — передачу извѣстія о томъ, что обѣщаніе 17-го октября будетъ исполнено, или, наоборотъ, опроверженіе этого извѣстія? И если бы ожиданія, наконецъ, оправдались, и мы получили бы Думу, то, въ силу указа 24-го ноября, нельзя-ли было бы признать завѣдомо ложнымъ и возбуждающимъ общественную тревогу сообщеніе, что Дума вскорѣ не соберется.

Необыкновенная спорность пониманія такихъ понятій, какъ возбужденіе рабочихъ къ продолженію стачки или учащихся къ прекращенію занятій, въ то же время вызываетъ справедливое опасеніе, что личная свобода автора и редактора будетъ впредь зависѣть

отъ толкованія вопроса о предѣлахъ, въ какихъ поведеніе тѣхъ или другихъ начальствующихъ лицъ не переходитъ въ призывъ къ неповиновенію. Я стану писать, что заработной платы, получаемой на той или другой фабрикѣ, не хватаетъ для того, чтобы рабочіе могли вести человѣческое существованіе, или что вмѣшательство полиціи и жандармовъ во внутренніе распорядки университетовъ противорѣчитъ обѣщанной имъ автономіи. Поступая такимъ образомъ, я имѣю въ виду указать на общественное зло и вызвать его отмѣну; но сказанное мною представило лицамъ заинтересованнымъ положеніе дѣлъ въ такомъ свѣтѣ, что они не увидѣли изъ него выхода иначе, какъ путемъ стачки или пріостановки занятій. Долженъ-ли я считаться виновнымъ въ возбужденіи къ тому или другому? Свѣдущій юристъ, конечно, скажетъ, что нѣтъ; но не всѣ участвующіе въ постановкѣ рѣшенія являются свѣдущими юристами, и я могу поплатиться потерей личной свободы за недостатокъ ихъ юридическихъ познаній.

Положительная сторона указа лежитъ въ отмѣнѣ предварительной цензуры, какъ общей, такъ и духовной, по отношенію, однако, къ одной періодической печати, а также въ упраздненіи прежняго требованія залога отъ издателя, что дѣлало невозможнымъ основаніе газеты людьми несостоятельными. Съ предварительной цензурой падаетъ и система трехъ предостереженій, заимствованная нами, какъ я уже сказалъ, изъ законодательства Наполеона III, и, что не менѣе важно, исчезаетъ и прежнее право министра внутреннихъ дѣлъ воспрещать обсужденіе въ пе-

чати вопросовъ государственной важности, за исключеніемъ лишь одного—о передвиженіи войскъ и морскихъ силъ и о средствахъ обороны.

Отнынѣ каждый желающій выпускать въ свѣтъ газету или журналъ обязанъ представить губернатору или градоначальнику только заявленіе съ обозначеніемъ города, въ которомъ будетъ выходить періодическое изданіе, названія послѣдняго, его программы, срока выхода, подписной цѣны, имени, отчества, фамиліи и мѣстожительства издателя, наконецъ, имени типографіи, въ которой будетъ печататься газета или журналъ. Любопытную черту представляетъ дозволеніе двумъ или нѣсколькимъ редакторамъ раздѣлить между собою отвѣтственность такимъ образомъ, что каждый несетъ ее лишь въ размѣрахъ той части изданія, завѣдываніе которой онъ принимаетъ на себя. Для выдачи свидѣтельства, удостовѣряющаго фактъ разрѣшенія изданія и уполномочивающаго типографію приступить къ его тисненію, опредѣленъ двухнедѣльный срокъ. Издатель обязанъ представлять извѣстное число экземпляровъ газеты или журнала мѣстнымъ властямъ для того, чтобы онѣ могли, ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, принять мѣры, какъ къ привлеченію къ судебному преслѣдованію за случаи нарушеній авторами или редакторомъ законовъ о періодической печати, такъ и къ наложенію ареста на изданіе. Ст. 9 указа 24 ноября 1905 года содержитъ въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующія правила:

„На отдѣльные нумера повременныхъ изданій можетъ быть наложенъ арестъ по распоряженію установленія или должностного ли-

ца по дѣламъ печати, съ одновременнымъ возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ: а) когда въ содержаніи такихъ нумеровъ заключаются признаки преступнаго дѣянія, уголовнымъ закономъ предусмотрѣннаго, за исключеніемъ преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, или не иначе, какъ по жалобамъ, сообщеніямъ или объявленіямъ потерпѣвшаго. Тѣ же мѣры могутъ быть приняты въ томъ случаѣ, когда въ выпущенномъ нумерѣ повременнаго изданія не указаны фамиліи редактора и издателя, и не обозначены адресъ типографіи и редакціи. Распоряженіе объ арестѣ изданія остается въ силѣ только въ случаѣ его утвержденія судомъ".

Въ этомъ можно видѣть попытку положить конецъ административному произволу, отъ котораго такъ долго зависѣла судьба нашихъ повременныхъ изданій. Но для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы распоряженіе объ арестѣ представляемо было немедленно на распоряженіе подлежащему судебному установленію, и чтобы судъ разсматривалъ дѣло въ первомъ же распорядительномъ своемъ засѣданіи. Такой порядокъ предписывается и ст. 11, которая надѣляетъ судъ правомъ, утвердивъ арестъ изданія, постановить о пріостановкѣ его до судебнаго приговора. Само преслѣдованіе, за исключеніемъ случаевъ оскорбленія печатью частныхъ лицъ, открывается или по сообщенію административныхъ органовъ, завѣдывающихъ дѣлами печати, или по предложенію прокурорскаго надзора. Въ томъ случаѣ, если прокуроръ не усмотритъ основаній къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія въ томъ сообщеніи, какое сдѣлано

ему будетъ на этотъ счетъ административною властью, онъ вноситъ дѣло со своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе суда, которому, такимъ образомъ, принадлежитъ послѣднее слово. Наряду съ преслѣдованіемъ правительственными властями предвидится и возбужденіе частными лицами иска о клеветѣ. Такіе иски поступаютъ на разсмотрѣніе судебныхъ учрежденій въ раіонѣ мѣстожительства потерпѣвшаго.

Что касается до наказаній, налагаемыхъ за преступленія и проступки, совершенные періодическою печатью, то они заключаются въ лишеніи свободы и въ штрафахъ. Наиболѣе мягкимъ является денежное взысканіе не свыше 300 руб. за несоблюденіе правилъ насчетъ выпуска въ свѣтъ повременныхъ изданій; въ томъ случаѣ, если въ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ администраціи лицами, желающими принять на себя обязанности редакторовъ, будутъ заключаться завѣдомо ложныя свѣдѣнія насчетъ ихъ правоспособности, или именъ издателя и типографіи, штрафъ замѣняется уже заключеніемъ въ тюрьмѣ срокомъ не больше года. Этотъ срокъ увеличивается до года и 4 мѣсяцевъ въ томъ случаѣ, когда заходитъ рѣчь о возбужденіи къ устройству или продолженію стачекъ, „но только въ предпріятіяхъ, прекращеніе дѣятельности которыхъ,--говоритъ законъ,--угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія (разумѣются желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны, состоящіе въ общественномъ пользованіи)“. Тюрьма, арестъ или денежный штрафъ грозятъ, по выбору суда, за возбужденіе учащихся къ прекращенію занятій, за призывъ къ устройству

запрещенныхъ закономъ скопищъ, за распространеніе завѣдомо ложныхъ слуховъ о дѣятельности правительственныхъ лицъ и учрежденій, войска или воинской части, слуховъ, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе, а также за распространеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи и иномъ событіи, разъ послѣдствіемъ можетъ быть возбужденіе общественной тревоги, наконецъ, за обнародованіе, вопреки состоявшемуся распоряженію, данныхъ о передвиженіи войскъ или морскихъ силъ и о средствахъ обороны.

Тюрьма ждетъ также всякаго виновнаго въ оскорбленіи въ печати войска или воинской части, и въ этомъ случаѣ лишеніе свободы можетъ продолжаться до года и 4 мѣсяцевъ.

Всѣ эти наказанія постигаютъ самого автора; что же касается до редактора, то въ случаѣ его виновности въ допущеніи по неосмотрительности выхода въ свѣтъ такого нумера его газеты или журнала, въ содержаніи котораго заключаются признаки преступленія, онъ подлежитъ штрафу въ размѣрѣ не свыше 500 руб.

Отъ суда зависитъ при этомъ постановить рѣшеніе объ одновременной пріостановкѣ повременнаго изданія или запрещеніи его навсегда.

Онъ вправѣ также требовать помѣщенія своего приговора въ ближайшемъ нумерѣ изданія.

Указъ 24-го ноября 1905 года озабоченъ исключительно судьбою періодической печати. Проектируемый новый законъ, опубликованный въ газетѣ „Слово“ отъ 17-го января

1906 г., имѣетъ въ виду установить болѣе общія нормы о печати.

„Свобода ея,—значится въ немъ,—подлежитъ только тѣмъ ограниченіямъ, которыя предписаны будутъ уставомъ. Отвѣтственность за преступныя дѣянія, совершенныя путемъ печати, опредѣляется не иначе, какъ по приговору суда. Къ произведеніямъ печати отнесены книги, брошюры, повременныя изданія, отдѣльные листы или ноты съ текстомъ, изображенія, чертежи, планы и карты. Завѣдываніе дѣлами печати возложено на особыя мѣстныя установленія или особыхъ должностныхъ лицъ, подъ высшимъ наблюденіемъ главнаго управленія по дѣламъ печати“.

Вслѣдъ за этими основными положеніями слѣдуетъ въ проектѣ почти буквальное воспроизведеніе правилъ 24-го ноября о порядкѣ, въ какомъ допускается изданіе новыхъ газетъ и журналовъ. Въ числѣ дополнительныхъ статей, воспроизводящихъ, однако, уже дѣйствующія нормы, надо упомянуть о томъ, что всякое повременное изданіе, не появившееся въ теченіе года, считается прекратившимся, и что оффиціальныя опроверженія должны печататься въ теченіе 3 дней по ихъ поступленіи въ редакцію. Получаемыя повременными изданіями телеграммы освобождаются отъ той цензуры, какой онѣ подлежали до манифеста 17-го октября. Сообщеніе свѣдѣній о личныхъ дѣйствіяхъ Государя и Наслѣдника Престола, передача ихъ подлинныхъ словъ или писемъ, свѣдѣнія и сужденія объ ихъ истинной жизни,—изъемлются изъ числа неподлежащихъ цензурѣ; обнародованіе въ данномъ случаѣ не можетъ послѣдовать иначе, какъ съ разрѣшенія министра Император-

скаго двора. Та же цензура существуетъ и для книгъ, предназначенныхъ для употребленія при православномъ богослуженіи; она осуществляется святѣйшимъ синодомъ, и такого рода книги печатаются не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Что касается до узаконеній, правительственныхъ распоряженій, судебныхъ рѣшеній и отчетовъ о производящихся въ судебныхъ установленіяхъ дѣлахъ, то и они не освобождаются отъ извѣстнаго предварительнаго контроля. Такъ, законы и распоряженія не могутъ печататься въ частныхъ изданіяхъ ранѣе ихъ опубликованія въ изданіяхъ правительствующаго сената, а судебныя рѣшенія—ранѣе ихъ опубликованіи самими судами. Запрещается также оглашеніе въ печати до приговора свѣдѣній, обнаруженныхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ, а равно и обвинительныхъ актовъ.

Средствомъ контроля за печатью служитъ требованіе, чтобы на каждомъ печатномъ произведеніи обозначены были имя и мѣстонахожденіе типографіи, чтобы само произведеніе, одновременно съ выпускомъ его, было представлено въ двухъ экземплярахъ мѣстному установленію или должностному лицу по дѣламъ печати. Сверхъ того, взыскиваются еще дополнительные экземпляры для публичныхъ библіотекъ въ Петербургѣ и Москвѣ и для академіи наукъ.

Цензура иностранныхъ книгъ не отмѣняется. „Обращеніе въ Имперіи всякаго произведенія печати, изданнаго заграницей, значится въ проектѣ новаго закона, „можетъ быть запрещено особымъ постановленіемъ Совѣта Министровъ, но для повременныхъ изданій каждый разъ на срокъ не свыше 2 лѣтъ“.

Запретъ обращенія можетъ коснуться лишь части печатнаго произведенія, и „въ случаѣ согласія владѣльцевъ этихъ произведеній на изъятіе запрещенныхъ мѣстъ“, значится въ новомъ проектѣ, „такія произведенія печати могутъ быть выданы ихъ владѣльцамъ“. Контролю подлежатъ также типографіи, публичныя библіотеки и кабинеты для чтенія, устраиваемые частными лицами; они открываются явочнымъ порядкомъ, но подъ условіемъ предварительнаго заявленія начальству, заявленія, содержащаго въ себѣ обозначеніе: для типографій—мѣстонахожденія заведенія, числа и размѣра печатныхъ станковъ, а для магазиновъ и библіотекъ—мѣстожительства продавца и мѣста, въ которомъ будетъ производиться продажа.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, проектъ новаго закона о печати; онъ мало вноситъ измѣненій въ тѣ отношенія, какія установлены были современнымъ правительствомъ къ періодическимъ изданіямъ, и возстановляетъ цензуру для книгъ духовнаго характера и книгъ, поступающихъ къ намъ изъ-за границы. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ обѣщанной намъ манифестомъ 17-го октября свободой слова. Будущей Государственной Думѣ придется поставить на видъ правительству этотъ фактъ и требовать выполненія имъ даннаго слова.

IV.

Четвертая изъ тѣхъ свободъ, которыя обѣщаны намъ манифестомъ 17-го октября, — свобода собраній или митинговъ. Она заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ при несовершенствѣ той избирательной системы,

на которой остановился русскій законодатель, она можетъ служить существеннымъ дополненіемъ къ праву участія гражданъ въ изданіи общеобязательныхъ нормъ чрезъ посредство выбранныхъ ими уполномоченныхъ. Эту службу свобода собраній сыграла и продолжаетъ еще играть на Западѣ, и прежде всего —въ Англіи. При ограниченности въ ней числа избирателей, при существованіи долгое время имущественнаго ценза, свобода митинговъ являлась въ Англіи для народа единственнымъ средствомъ вліять на ходъ законодательства и вводить требуемыя временемъ реформы. Неудивительно, если правительство въ эпохи реакціи считало нужнымъ принять противъ митинговъ тѣ же запретительныя мѣры, какія недавно тяготѣли надъ ними у насъ. Такъ, въ эпоху французской революціи, когда и въ Англіи поставленъ былъ вопросъ о необходимости расширить избирательное право и приблизиться къ началу всеобщаго голосованія, глава консервативнаго министерства, Питтъ младшій, счелъ нужнымъ для борьбы съ митингами отмѣнить временно дѣйствіе акта, гарантирующаго гражданамъ свободу отъ предварительнаго задержанія.

Отмѣна этого закона была проведена парламентомъ, въ виду, какъ значится въ его заявленіи, измѣнническаго и гнуснаго заговора, направленнаго къ ниспроверженію закона или конституціи. Тщетно противникъ этой мѣры Фоксъ доказывалъ, что лучшая гарантія прочности конституціи лежитъ въ постоянномъ и неусыпномъ контролѣ народа надъ парламентомъ, въ виду чего народные митинги, подымающіе политическіе вопросы, должны быть признаны желательными. Большин-

ство депутатовъ высказалось за предложеніе Питта, и актъ, обезпечивающій личную свободу англичанъ, былъ временно отмѣненъ вплоть до 1-го февраля 1795 года. Когда вслѣдъ затѣмъ, т. е., по истеченіи указаннаго срока, возобновились митинги, и на нихъ стало собираться 100 и болѣе тысячъ гражданъ, консервативное министерство остановилось на несчастной мысли издать особый законъ, которымъ всякое собраніе, свыше 50 человѣкъ, было дозволено не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, каждый разъ, когда имѣлось въ виду закончить его составленіемъ адресовъ и петицій, направленныхъ къ измѣненію существующаго порядка въ государствѣ и церкви. Одновременно мѣстнымъ органамъ предоставлено было право присутствовать на митингахъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы въ преніяхъ не допускаемо было какихъ-либо нападокъ на короля, правительство и конституцію. Кто не исполнялъ этого требованія, могъ подвергнуться задержанію. Если митингъ принималъ бурный характеръ, присутствовавшіе на немъ органы власти могли закрыть его силой. При этомъ съ нихъ снималась всякая отвѣтственность за пораненіе и убійство, жертвою которыхъ могли сдѣлаться лица, обнаруживающія сопротивленіе властямъ. Новый законъ изданъ былъ на три года. И когда срокъ его истекъ въ 1798 году, то для новой борьбы съ митингами правительствомъ проведена была отмѣна на время акта о личной свободѣ англичанъ. Это, можно сказать,—послѣднія попытки, сдѣланныя Англіей съ цѣлью парализовать дѣятельность митинговъ путемъ законодательныхъ мѣропріятій. Правительство

обращалось, правда, еще не разъ къ грубой силѣ съ цѣлью подавленія митинговъ. Но въ своемъ преслѣдованіи свободы собраній оно не могло уже опереться ни на одинъ парламентскій статутъ, т. е. законъ.

Такъ, когда въ 1819 году снова открылась кампанія противъ митинговъ, устраивавшихся съ цѣлью добиться избирательной реформы, правительству пришлось придерживаться уже не текста парламентскаго статута, а простого указа, такъ называемой въ Англіи, прокламаціи. А этого одного уже было достаточно, чтобы не произвести ожидаемаго дѣйствія. И вотъ, правительство обращается къ грубой силѣ. Когда въ Манчестерѣ собралось до 80 тыс. человѣкъ и поставило требованіе о надѣленіи голосомъ не представленныхъ въ палатѣ городовъ, въ томъ числѣ Бирмингама и самого Манчестера, правительство вздумало разогнать толпу съ помощью кавалеріи. Отрядъ ея ворвался неожиданно въ среду не желавшей открыть ему дорогу публики; 11 человѣкъ было убито и 500 ранено. Въ странѣ поднялось сильное броженіе. Повсюду собирались митинги, ставившіе себѣ задачей выразить негодованіе, овладѣвшее всѣми. На одномъ изъ нихъ, герцогъ норфолькскій предложилъ вотировать слѣдующую резолюцію: „Право собираться на митинги для обсужденія общественныхъ вопросовъ составляетъ неотъемлемое достояніе англичанъ. Насильственное разсѣяніе собранія съ помощью войска есть грубое посягательство на народныя права“. Резолюція заканчивалась требованіемъ, чтобы парламентъ тщательно разслѣдовалъ обстоятельства дѣла. Но парламентъ не только не исполнилъ этого жела-

нія, но, наоборотъ, рѣшился ожпвить временно тѣ мѣры репрессіи, какихъ правительство держалось въ прежніе годы. Срокъ всѣмъ этимъ нормамъ истекъ въ 1825 году, и съ этого времени правительство уже ни разу не обращалось къ запрещенію митинговъ. Они продолжали собираться и оказывать рѣшительное вліяніе на ходъ законодательныхъ реформъ. Особенно дѣятельную роль сталъ играть въ дѣлѣ ихъ устройства городъ Бирмингамъ. Съ 1829 года въ немъ возникла особая организація, подъ названіемъ политическаго союза для защиты общественныхъ правъ. Главная задача, преслѣдуемая этимъ союзомъ, состояла въ томъ, чтобы добиться законными средствами такой реформы Палаты Общинъ, которая обезпечила бы низшимъ и среднимъ классамъ общества достаточное представительство ихъ интересовъ. Эта кампанія митинговъ повела къ изданію новаго закона 32-го года. Тщетно Палата Лордовъ пробовала затормазить прохожденіе его черезъ парламентъ. Новой серіи митинговъ удалось сломить ея оппозицію. На разстояніи всего-на-всего десяти дней, между 9-мъ и 19-мъ мая газетѣ „Times" пришлось отмѣтить на своихъ столбцахъ 201 митингъ, а въ двѣ недѣли, протекшія между 8-мъ и 23-мъ мая того же 1832 года, въ палату общинъ поступило отъ этихъ митинговъ 290 петицій, или челобитныхъ, съ требованіемъ отказа правительству въ денежныхъ средствахъ, пока оно не удовлетворитъ запросу на избирательную реформу.

Политическіе митинги вторично сыграли выдающуюся роль въ дѣлѣ расширенія публичныхъ правъ англичанъ въ годы, предшествовавшіе февральской революціи во Фран-

ціи (1848 годъ). Размноженіе ихъ числа совпадаетъ съ агитаціей такъ называемыхъ чартистовъ. Эта партія выставила на своемъ знамени отмѣну закона объ особомъ имущественномъ цензѣ для депутатовъ. Она требовала введенія тайной подачи голосовъ и новой разверстки числа депутатовъ между избирательными округами. Она настаивала на необходимости всеобщаго голосованія и требовала, чтобы депутатамъ назначено было содержаніе. Изъ всѣхъ этихъ заявленій одно послѣднее осталось пока безъ всякаго удовлетворенія. Что же касается до остальныхъ, то особый цензъ, требуемый отъ лицъ, желающихъ быть депутатами, отмѣненъ былъ въ 1868 году. Тайная подача голосовъ введена парламентомъ въ 1872 году, а позое, болѣе равномѣрное дѣленіе страны на избирательные округа воспослѣдовало въ 1885 году. Что касается общей подачи голосовъ, то ея нѣтъ пока въ Англіи, но парламентскія реформы 1867 и 1885 гг. значительно понизили цензовыя ограниченія и подняли число голосующихъ съ полутора до шести милліоновъ человѣкъ. Одинъ актъ 1867 года надѣлилъ избирательными правами 1.150,000 представителей одного городского рабочаго люда. О роли, какую митинги сыграли во время послѣднихъ кампаній въ пользу расширенія избирательнаго права, можно судить хотя бы по слѣдующимъ даннымъ. За одинъ 1834 годъ, годъ, предшествовашій реформѣ, собрано было въ Англіи и Шотландіи 1,512 митинговъ, на которыхъ, въ общемъ, присутствовало до 3,500,000 человѣкъ.

Что митинги сыграли выдающуюся роль во Франціи, на этомъ едва-ли нужно настаивать

въ виду хорошо извѣстнаго факта, что кампанія такъ называемыхъ банкетовъ повела въ конечномъ исходѣ къ паденію въ этой странѣ правительства Людовика-Филиппа въ 1848 году, несмотря на то, а можетъ быть и благодаря тому, что министерство Гизо рѣшило бороться съ митингами съ помощью предупредительныхъ мѣръ. Въ годы, слѣдовавшіе за подавленіемъ рабочаго движенія 1848-го года, возобновлены были преслѣдованія противъ митинговъ. Они открываются закономъ 1849 г. и продолжены мѣропріятіями Наполеона III, принятыми какъ въ эпоху его президентства, такъ и въ первые годы имперіи. Къ митингамъ примѣнено было постановленіе закона 1834 года. Запрещено было собираться болѣе, какъ въ числѣ 20-ти человѣкъ, не получивъ предварительно разрѣшенія отъ правительства. Законъ 1868 года, изданный въ послѣднюю эпоху существованія имперіи, послѣ замѣтнаго поворота ея въ сторону либерализма, отмѣнилъ, правда, эти запреты и разрѣшилъ собирать митинги безъ дозволенія полиціи. Но въ то же время, изъ этого правила сдѣлано было исключеніе для всякихъ собраній, ставившихъ себѣ задачей обсужденіе политическихъ или религіозныхъ вопросовъ. Одновременно признано было за губернаторами, или префектами, и за министрами право, первыхъ--отсрочивать, а вторыхъ—запрещать собранія. Всякій митингъ, который въ ихъ оцѣнкѣ грозилъ сдѣлаться опасностью для существующаго порядка, могъ быть отложенъ ими на время или отмѣненъ. Свобода митинговъ вполнѣ установлена лишь третьей французской республикой, а именно закономъ 13-го іюля 1877 года. Первая статья этого

закона гласитъ: „Публичныя собранія свободны. Они могутъ состояться безъ предварительнаго разрѣшенія, но соблюдая извѣстныя условія“. Каковы же эти послѣднія? О всякомъ публичномъ собраніи должно быть сдѣлано заявленіе заблаговременно. Въ немъ обозначается мѣсто, время, день и часъ собранія. На заявленіи небходимо требуется подпись двухъ лицъ, изъ которыхъ одно должно принадлежать къ жителямъ той общины, гдѣ послѣдуетъ собраніе. Заявленія такого рода подаются въ Парижѣ—префекту полиціи, въ главныхъ городахъ департаментовъ, т. е. губерній, — префекту или губернатору, а въ главныхъ уѣздныхъ городахъ—подъ-префекту,въ остальныхъ же—городскому головѣ или мэру. Митингъ можетъ собраться лишь на разстояніи 24 часовъ со времени подачи о немъ письменнаго заявленія. Исключеніе дѣлается только для избирательныхъ собраній. Они могутъ состояться немедленно послѣ извѣщенія о нихъ полиціи. На каждомъ собраніи или митингѣ присутствуетъ правительственный агентъ, обыкновенно полицейскій комиссаръ, которому отводится для этой цѣли особое мѣсто. Публичныя собранія не могутъ происходить на улицахъ или площадяхъ и не должны продолжаться послѣ 11-ти часовъ вечера, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ общественныя учрежденія остаются открытыми и позже этого часа. Отъ каждаго митинга требуется избраніе бюро изъ трехъ по меньшей мѣрѣ членовъ. Оно обязано поддерживать порядокъ на собранія, пресѣкать дѣянія, законамъ противныя, заботиться о сохраненіи за собраніемъ того характера, какой приданъ

ему въ заявленіи, и запрещать рѣчи, противныя общественному порядку и добрымъ нравамъ, или заключающія въ себѣ призывъ къ совершенію преступленія или проступка. Отъ бюро зависитъ потребовать ежечасно отъ представителя власти, чтобы онъ закрылъ собраніе. По собственной же инииціативѣ полицейскій комиссаръ обращается къ этой мѣрѣ только тогда, когда въ собраніи послѣдуетъ открытое столкновеніе и причинено будутъ кому-либо насиліе. За нарушеніе только-что указанныхъ предписаній виновные подлежатъ полицейскимъ взысканіямъ, а за совершенные на митингѣ преступленія или проступки имъ грозитъ уголовная отвѣтственность. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что современная Франція отказалась отъ прежнихъ попытокъ ограниченія числа участниковъ па собраніяхъ, о чемъ не разъ заходила рѣчь въ эпоху директоріи, консульства и имперіи. Въ то же время, въ интересахъ сохраненія мира и спокойствія, республиканское законодательство считаетъ нужнымъ удержать систему предварительнаго оповѣщенія властей о предстоящихъ собраніяхъ, присутствіе на нихъ особыхъ охранителей порядка, въ лицѣ полицейскихъ комиссаровъ, и наличность бюро съ дискреціонными правами по отношенію ко всѣмъ присутствующимъ на собраніи.

Нельзя также сказать, чтобы Бельгія, ранѣе другихъ державъ континента Европы провозгласившая принципъ свободы собраній, вполнѣ отказалась отъ ихъ регламентаціи. Статья 19-я ея конституціи отъ 1831 года гласитъ: „Бельгійцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія, согласуя свое поведеніе съ законами, призванными регламентировать

право собраній, но не уполномоченными ставить пользованіе имъ въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія". Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что бельгійское законодательство отказалось отъ системы предупредительныхъ мѣръ по отношенію къ митингамъ. Но это справедливо только въ примѣненіи къ тѣмъ, которые собираются въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Наоборотъ, тѣ, которые имѣютъ мѣсто на открытомъ воздухѣ, вполнѣ подчинены полицейскимъ законамъ и регламентамъ. Сопоставляя бельгійское законодательство о митингахъ съ одновременными ему континентальными, нельзя не признать его весьма либеральнымъ. Но въ то же время приходится согласиться съ Дайси, что въ немъ нельзя видѣть буквальнаго воспроизведенія англійской системы, такъ какъ въ Англіи полиція не призывается контролировать даже митинги, мирно собирающіеся на площадяхъ.

Бельгійское законодательство о правѣ собраній послужило образцомъ и для германскихъ, прежде всего, для прусской конституціи. Въ ней значится, что всѣ пруссаки, помимо всякаго предварительнаго разрѣшенія властей, имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Это постановленіе,—гласитъ 28 ст. прусской конституціи,—не распространяется на митинги, устраиваемые подъ открытымъ небомъ. Послѣдніе нуждаются въ предварительномъ оповѣщеніи и согласіи органовъ исполнительной полиціи. Разрѣшеніе на устройство такихъ митинговъ дается на письмѣ. Имъ слѣдуетъ запастись за 48 часовъ до открытія собранія. Отказать въ немъ полицейскія власти вправѣ только тогда, когда отъ митинга пред-

видится прямая опасность для порядка и общественнаго спокойствія. Но судьею того, имѣется-ли достаточное основаніе предполагать такую опасность, является сама полиція, рѣшенія которой на этотъ счетъ не могутъ быть обжалованы передъ судебными властями. На разстояніи двухъ миль отъ мѣста жительства короля или мѣста собранія ландтага, во все время продолженія сессій никакіе митинги подъ открытымъ небомъ не могутъ быть терпимы.

Въ отличіе отъ собраній подъ открытымъ небомъ, тѣ, которыя происходятъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, освобождаются отъ необходимости испрашивать предварительное согласіе властей. Таково постановленіе 29 ст. прусской конституціонной хартіи отъ 31-го января 1850 года. Полиція не вправѣ воспрепятствовать собранію на томъ основаніи, что оно имѣетъ въ виду заняться обсужденіемъ политическихъ вопросовъ, но все происходящее на немъ подлежитъ тѣмъ же репрессивнымъ мѣрамъ, какія грозятъ одпохарактернымъ преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ внѣ митинговъ. На собраніе въ закрытомъ помѣщеніи могутъ сойтись одинаково мужчины и женщины, за исключеніемъ, однако, военныхъ; статья 38 конституціи прямо высказывается противъ посѣщенія митинговъ лицами, состоящими на активной военной службѣ; членамъ ополченія или ландвера также запрещается собираться для обсужденія вопросовъ, касающихся военнаго устройства. Наконецъ, на случай войны, или возстанія, или серьезной и наступающей опасности для общественнаго спокойствія, дозволяется временная отмѣна статьи 29, говоря-

щей о свободѣ митинговъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Сѣверо-германскія законодательства, въ томъ числѣ саксонское и саксенъ-веймарское, болѣе или менѣе приближаются къ прусскому образцу при рѣшеніи вопроса о правѣ собраній, тогда какъ южно-германскія, за исключеніемъ одного баварскаго, отличаются въ этомъ отношеніи большимъ либерализмомъ. Въ Саксенъ-Веймарѣ, напримѣръ, доселѣ продолжаетъ держаться законъ 7-го января 1854 года, въ силу котораго полицейскимъ властямъ предоставлено принимать мѣры къ охраненію жизни, здоровья и имущества въ случаѣ грозящей опасности; и это правило толкуется министерскими циркулярами, въ томъ числѣ однимъ циркуляромъ отъ 1890 года, въ томъ смыслѣ, что въ такихъ условіяхъ полицейскія власти вправѣ отказывать въ разрѣшеніи митинговъ, ставящихъ себѣ задачей обсужденіе полититическихъ, соціальныхъ или церковныхъ вопросовъ. Въ Баваріи женщины допущены къ присутствію на митингахъ не ранѣе 1898 года. Въ другихъ южно-германскихъ государствахъ мы не находимъ ничего подобнаго тѣмъ ограниченіямъ свободы собраній, о которыхъ идетъ рѣчь на сѣверѣ. „Кажется,—пишетъ по этому поводу Теннисъ,—что попалъ въ другой міръ. Безпрепятственно развертываются передъ глазами явленія, которыя въ Пруссіи или въ саксонскихъ государствахъ (т. е. въ королевствѣ Саксоніи или въ герцогствѣ Саксенъ-Веймарѣ) подали бы поводъ къ недовѣрчивому отношенію полиціи и къ подведенію ихъ подъ понятіе неотложной опасности для общественнаго мира и спокойствія. Въ Баденѣ,

въ Гессенѣ, въ Вюртембергѣ, повторяются изъ года въ годъ митинги, которые на вышеуказанномъ основаніи подверглись бы запрещенію полиціей Сѣверной Германіи“ (см. стр. 42 брошюры Тениса, „О Правѣ собраній и союзовъ“, 1902 г.). Общаго имперскаго закона о правѣ союзовъ и собраній доселѣ не обнародовано, хотя въ компетенцію рейхстага и входитъ выработка подобнаго закона.

Изъ всѣхъ германскихъ или полугерманскихъ государствъ наибольшія ограниченія свободы собраній доселѣ держатся въ Австріи. Хотя въ основномъ государственномъ законѣ, или конституціи Цислейтаніи отъ 21-го декабря 1867 г., въ § 12, и говорится, что австрійскіе граждане имѣютъ право собираться, но тутъ же прибавлено, что способы осуществленія этого права опредѣляются особыми законоположеніями. Цислейтанскій рейхсратъ выработалъ съ этой цѣлью спеціальный законъ, который получилъ утвержденіе императора 15-го ноября 1887 года. Имъ предписывается испрашивать письменное разрѣшеніе на устройство митинга за три дня до предположеннаго срока его созыва, причемъ должны быть обозначены цѣль, мѣсто и время собранія. Этотъ трехдневный срокъ заимствованъ былъ изъ австрійскаго права и русскимъ законодателемъ. § 6 гласитъ, что собранія, грозящія общественному благу и общественной безопасности, должны быть воспрещаемы начальствомъ. Никто не можетъ являться на собраніе вооруженнымъ.

Начальству предоставляется послать на митингъ одного или нѣсколькихъ уполномоченныхъ. По ихъ требованію лица, устроившія собранія, должны сообщать свѣдѣнія о

личностяхъ докладчиковъ и ораторовъ; присутствующій на собраніи правительственный агентъ можетъ закрыть митингъ, если на немъ происходятъ противозаконныя дѣянія, или когда онъ принимаетъ угрожающій характеръ для общественнаго порядка. Какъ только собраніе будетъ объявлено закрытымъ, всѣ присутствующіе на немъ обязаны тотчасъ же разойтись; въ противномъ случаѣ, они могутъ быть вынуждены къ тому силой. На дѣйствіе властей допускается жалоба только ихъ прямому начальству, а не въ суды. Въ случаѣ неминуемой опасности для порядка и спокойствія, всякое начальство, которому ввѣряется наблюденіе за сохраненіемъ этого порядка и спокойствія, вправѣ распустить или воспретить несогласный съ законами митингъ; въ случаѣ войны или мятежа свобода собраній временно можетъ быть отмѣнена повсюду или въ опредѣленныхъ только мѣстностяхъ. Все сказанное относится къ собраніямъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; что же касается до устраиваемыхъ подъ открытымъ небомъ, то они могутъ быть созваны только съ разрѣшенія начальства. Ходатайство идетъ отъ устроителей митинга, которые въ своемъ прошеніи указываютъ на цѣль, мѣсто и время собранія; если митингъ не будетъ разрѣшенъ, то объ отказѣ должно быть объявленно письменно, съ указаніемъ причины. Законъ 5-го мая 1869 года болѣе опредѣленно указываетъ тѣ послѣдствія, къ какимъ ведетъ пріостановка статьи 12-й основного закона, надѣляющаго австрійскихъ гражданъ правомъ собраній. Послѣдствіемъ можетъ быть совершенное упраздненіе всякихъ митинговъ, но только на открытомъ воздухѣ,

но и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Всякому, кто хотя бы бѣгло ознакомился съ содержаніемъ недавно изданнаго у насъ закона о правѣ сходокъ и собраній, не можетъ не броситься въ глаза, что этотъ законъ составленъ, главнымъ образомъ, по примѣру только что приведеннаго австрійскаго. Желающій устроить собраніе обязывается временными правилами отъ 12-го октября 1905 года письменно заявить о томъ начальнику мѣстной полиціи, не позже, какъ за трое сутокъ (тотъ же срокъ, что и въ австрійскомъ законѣ). Собранія, цѣль или предметъ занятій которыхъ противны закону, или устройство которыхъ угрожаетъ общественному спокойствію и безопасности, воспрещаются начальникомъ полиціи, который, повидимому, одинъ является судьею того, дѣйствительно-ли тѣ или другіе вопросы принадлежатъ къ числу волнующихъ общественный порядокъ. Собранія допускаются только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; на нихъ можно являться не иначе, какъ безъ оружія. Надзоръ за соблюденіемъ порядка въ собраніяхъ предоставленъ распорядителямъ его (то же, что бюро на Западѣ) или предсѣдателю. Они могутъ закрыть собраніе при отклоненіи его отъ предмета занятій, когда высказанныя на немъ сужденія возбуждаютъ къ враждѣ одну часть населенія противъ другой, когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежные сборы, присутствуютъ лица, въ собранія не допускаемыя, слышатся мятежные возгласы и читаются преступныя воззванія. Назначенный губернаторомъ или мѣстной полиціей агентъ, присутствуя на собраніи, вправѣ требовать сообщенія ему именъ ораторовъ и самаго закры-

тія собранія при наличности указанныхъ выше условій. Къ счастью, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 14-го октября 1905 г. значительно смягчилъ суровость временныхъ правилъ; въ немъ поясняется, что указъ 12-го октября относится только къ собраніямъ публичнымъ, обсуждающимъ вопросы общественные, государственные или экономическіе, отнюдь не къ частнымъ собраніямъ, созываемымъ хозяиномъ дома или квартиры; циркуляръ министра прибавляетъ, что назначеніе должностного лица для присутствованія въ публичныхъ собраніяхъ не всегда является необходимымъ; оно не нужно въ тѣхъ случаяхъ, когда по личности устроителей, по предполагаемому числу и составу участниковъ, по условіямъ времени и мѣста, или же по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ, не возникаетъ никакихъ спеціальныхъ опасеній (очевидно, насчетъ возможности нарушенія собраніемъ мира и спокойствія). Такое предположеніе, по мнѣнію составителей циркуляра, едва-ли можетъ возникнуть также въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о публичныхъ собраніяхъ обществъ, дѣйствующихъ на основаніи утвержденныхъ правительственныхъ уставовъ.

Циркуляръ объявляетъ далѣе, что полицейскіе чины могутъ быть замѣнены, смотря по обстоятельствамъ, чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, правителемъ его канцеляріи и даже чинами постороннихъ вѣдомствъ. Губернатору напоминается о томъ, что должностныя лица, присутствующія въ собраніяхъ, не должны вмѣшиваться въ пренія, и что собраніе можетъ быть закрываемо правительственными органами лишь въ томъ

случаѣ, когда имѣются на-лицо всѣ тѣ признаки, по которымъ законъ признаетъ собраніе угрожающимъ общественному спокойствію и безопасности. Случайнаго выраженія въ единичныхъ возгласахъ или заявленіяхъ такой готовности нарушить общественный порядокъ, признается при этомъ недостаточнымъ, разъ это выраженіе не нашло отклика; точно также поводомъ къ закрытію не признается временное отклоненіе собранія отъ предмета занятій, указаннаго въ прошеніи о его разрѣшеніи, или еще разброска листковъ и воззваній, или сборъ денегъ, не сразу остановленный предсѣдателемъ. Такія дѣйствія могутъ подать только поводъ присутствовавшимъ на митингѣ представителямъ власти къ заявленію предсѣдателю о необходимости возстановить порядокъ. Только исчерпавъ предварительно всѣ мѣры предупрежденія, и въ томъ случаѣ, когда собраніе дѣйствительно приняло характеръ мятежническаго или шумнаго сходбища, намѣревающагося отъ словъ перейти къ насильственнымъ дѣйствіямъ, читаемъ мы въ циркулярѣ, присутствующій на немъ представитель власти обязанъ распорядиться о его закрытіи. Вообще, циркуляръ производитъ впечатлѣніе акта, направленнаго къ смягченію суровости недавно изданнаго указа, и приближаетъ отношеніе русскихъ властей къ митингамъ къ тому, въ какое становится французское или прусское законодательство.

Но манифестъ отъ 17-го октября 1905 года, даруя свободу собраній и сходокъ, очевидно, идетъ еще далѣе, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ былъ бы только повтореніемъ прежде изданныхъ мѣръ. Обѣщаніе оградить, въ числѣ другихъ гражданскихъ

вольностей, свободу собраній и сходокъ способно въ данныхъ условіяхъ означать только одно: устраненіе всякаго требованія ходатайствовать о предварительномъ разрѣшеніи собраній, не преслѣдующихъ противозаконныхъ цѣлей. Другими словами, дальнѣйшее развитіе русскаго законодательства о правѣ собраній и союзовъ, подъ условіемъ въ противномъ случаѣ пойти въ разрѣзъ съ обѣщаніями Высочайшаго манифеста, можетъ совершиться только въ направленіи подведенія собраній подъ категорію дозволенныхъ каждому проявленій свободы самоопредѣленія. Эта свобода признается до тѣхъ поръ, пока не совершено будетъ, при пользованіи ею, проступковъ или преступленій. Это та самая точка зрѣнія, какой держится англійское право. „Право собраній,—пишетъ Дайси,—не есть какое-либо особое право; оно вытекаетъ изъ того толкованія, какое суды даютъ индивидуальной свободѣ, въ связи съ свободою слова; никакой спеціальный законъ не уполномачиваетъ A, B, или C сходиться подъ открытымъ небомъ или въ другомъ мѣстѣ съ непротивной законамъ цѣлью, но право A итти куда онъ вздумаетъ, лишь бы онъ не совершилъ преступленія, и говорить, что онъ вздумаетъ, подъ условіемъ, однако, чтобы его слова не заключали въ себѣ ни призыва къ возстанію, ни оскорбленія частнаго лица, не были бы ни мятежными (seditions), ни клеветническими (libellous)—это право одинаково признается и за B, и за C, и такъ далѣе до безконечности; а изъ совокупности этихъ индивидуальныхъ правъ, хотя бы рѣчь шла о тысячахъ, десяткахъ и сотняхъ тысячъ человѣкъ, возникаетъ ихъ общее право сходиться

гдѣ имъ угодно съ законными намѣреніями и въ законномъ порядкѣ, иначе говоря,—ихъ право организовать собранія и митинги.

V.

Послѣднее изъ правъ, о которомъ говорится въ Высочайшемъ манифестѣ, есть право союзовъ. Подъ нимъ надо разумѣть право устраивать сообщества большаго или меньшаго числа людей, сообщества, расчитанныя на продолжительное существованіе и ставящія себѣ задачей преслѣдованіе непротивузаконныхъ цѣлей совмѣстными усиліями. Въ Англіи это право, подобно праву собраній, не нормировано никакимъ закономъ и считается однимъ изъ проявленій личной свободы. Другое дѣло во Франціи, гдѣ и по закону 30-го іюня 1881 года „клубы остаются запрещенными“ (клубы съ характеромъ политическимъ, а не въ смыслѣ простого увеселительнаго кружка). Законъ 1-го іюля 1901 года разрѣшилъ устройство всякаго рода ассоціацій или союзовъ, не противныхъ законамъ и добрымъ нравамъ, и не грозящихъ цѣлости французской территоріи или республиканской формѣ правленія. Новый законъ различаетъ три вида ассоціацій: негласныя, заявленныя, признанныя общественно-полезными. Негласныя учреждаются простымъ соглашеніемъ участвующихъ въ нихъ лицъ, безъ всякаго предварительнаго заявленія, и не признаются закономъ юридическими лицами, не могутъ поэтому вчинать исковъ и отвѣчать по нимъ. Ассоціаціи съ предварительнымъ заявленіемъ префекту или подъ-префекту именъ и мѣста жительства участниковъ вправѣ облагать своихъ членовъ взносами (не свыше 500 франковъ съ каждаго), дер-

жать помѣщеніе для свободныхъ собраній и владѣть недвижимостями, вполнѣ имъ необходимыми (strictement nécessaires).

Ассоціаціи надѣляются правомъ владѣть и пріобрѣтать имущества большаго размѣра, если въ ихъ пользу состоялся декретъ Государственнаго Совѣта, признающій ихъ общественно-полезными (d'utilité publique).

Недвижимостей, однако, и они пріобрѣтать не могутъ, кромѣ прямо необходимыхъ для цѣлей, ими преслѣдуемыхъ, а всѣ свои капиталы они должны держать въ именныхъ бумагахъ.

Въ Германіи вопросъ о союзахъ рѣшается закономъ въ болѣе либеральномъ смыслѣ.

Образованіе ихъ, какъ общее правило, свободно; для него не требуется предварительнаго разрѣшенія правительства. Тѣмъ не менѣе, союзы подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Уставы союзовъ въ теченіе трехъ дней, а равно и списокъ всѣхъ ихъ членовъ, или только тѣхъ, которые входятъ въ составъ бюро, должны быть представлены администраціей союзовъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ. Союзы не должны принимать въ свой составъ женщинъ, военныхъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній и несовершеннолѣтнихъ. Имъ не позволено соединяться въ одну общую организацію. Союзы политическіе вполнѣ свободны. Окончательное запрещеніе союзовъ въ Пруссіи можетъ послѣдовать лишь по рѣшенію судебныхъ властей.

Будемъ надѣяться, что современная Россія рѣшитъ вопросъ о правѣ союзовъ въ такомъ же либеральномъ духѣ, въ какомъ рѣшаютъ его Англія и Германія *).

Максимъ Ковалевскій.

*) Большія подробности о правѣ митинговъ и собраній русскій читатель можетъ найти въ книгѣ проф. Дерюжинскаго.

Безплатное приложеніе къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ", второе изданіе,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА,

состоящая изъ 52-хъ еженедѣльныхъ выпусковъ,

размѣромъ отъ 1 до 3-хъ печатн. листовъ (36 стр.—72 стр.) каждый,

1. Земскіе Соборы на Руси.
2. Попытки ограниченія самодержавія въ 18-мъ и 19-мъ столѣтіяхъ.
3. Наканунѣ освобожденія.—Россія въ 1904 и 1905 гг.
4. Общественные дѣятели 40-хъ и 60-хъ годовъ.
5. Русская конституція.—Свободы.
6. Русская конституція.—Избирательное право.
7. Русская конституція.—Законодательная власть Думы и контроль ея надъ администраціей.
8. Русская конституція.—Будетъ-ли Дума законодательнымъ или законосовѣщательн. органомъ.
9. Роль земства въ освободительномъ движеніи.
10. Земство и земское хозяйство.
11. Борьба за свободу во Франціи 1789—1793 гг.
12. Борьба за свободу во Франціи 1793—1799 гг.
13. Перевороты 1830 и 1848 г. во Франціи.
14. Государственное устройство и партіи современной Франціи.
15. Освободительное движеніе въ Германіи, Австріи и Италіи въ 1848 г.
16. Политическія движенія въ Англіи въ 19-мъ столѣтіи.
17. Борьба за свободу въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки.
18. Развитіе японской культуры и государственности.
19. Народники и народовольцы.
20. Парламентскій строй въ Англіи.
21. Устройство Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.
22. Политическій строй и партіи современной Германіи.
23. Австро-Венгрія, политическій строй и національные вопросы.

24. Свободы слова и печати.
25. Свобода союзовъ и собраній.
26. Свобода совѣсти.
27. Неприкосновенность личности. — Свобода передвиженій.
28. Декларація правъ человѣка и гражданина.
29. Учредительное собраніе и конституція.
30. Одна или двѣ палаты?
31. Всеобщее, прямое, равное и закрытое избирательное право.
32. Устройство выборовъ и выборная борьба.
33. Политическія партіи на Западѣ и въ Россіи.
34. Либерализмъ и соціализмъ.
35. Соціалъ-демократы и соціалисты революціонеры.
36. Охранительныя партіи въ Россіи.
37. Россія и окраины.
38. Русско-польскія отношенія и польскій вопросъ.
39. Россія и Финляндія.
40. Еврейскій вопросъ въ Россіи.
41. Женскій вопросъ.
42. Самоуправленіе и автономія.
43. Народное образованіе.
44. Городское самоуправленіе и хозяйство.
45. Мелкая земская единица.
46. Государственное хозяйство и финансы Россіи.
47. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе на Западѣ.
48. Рабочій вопросъ въ Россіи.
49. Земля и земледѣлецъ.
50. Земельная реформа.
51. Прямые и косвенные налоги.
52. Народный кредитъ и народныя сбереженія.

